

МАША
ТРАУБ

Читайте книги Маши Трауб

ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЛАДЕНЦЫ
Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
ВСЯ LA VIE
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ
ЛАСТОЧ...КА
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА
НЕ ВСЯ LA VIE
ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ
ТЕТЯ АСЯ, ДЯДЯ ВАХО И ОДНА СВАДЬБА
ДНЕВНИК МАМЫ ПЕРВОКЛАССНИКА
ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА
ДОМИК НА ЮГЕ
ОСТОРОЖНО – ДЕТИ! ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ
СОНЯ И АЛЕКСАНДРА
ПЛЮС ОДИН СТУЛ
ЧУЖОЙ
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ
ИСТОРИИ МОЕЙ МАМЫ
НАША ДЕВОЧКА
ПЛОХАЯ МАТЬ
ШУШАНА, ЖУЖУНА И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ДЕДУШКОЙ
УВАЖАЕМЫЕ ОТДЫХАЮЩИЕ!
ВТОРОЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС
НА ГРАНИ РАЗВОДА
ЛИШНИЕ ДЕТИ
ЛЮБОВЬ СО СТРАННОСТЯМИ И БЕЗ
ВСЕГДА КТО-ТО ПЛАТИТ
МОЯ БАБУШКА – ЛЕРМОНТОВ
БЕДАБЕДА
ИЛИ Я СЕЙЧАС УМРУ ОТ СЧАСТЬЯ
ПОЛНОЕ ОЗОМЛЕНИЕ
ПЛОХАЯ ДОЧЬ
НЕ МАМКАЙ!
НЕВОЗВРАТНЫЙ БИЛЕТ
КОЛЬЦО ИЗ ФОЛЬГИ
ВСЕ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ОТЕЛЕ
НОВЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

МАША
ТРАУБ

Кольцо
из фольги

Москва
2024

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Оформление серии и переплета:
Александр Кудрявцев,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Иллюстрация на обложке *Ирины Ветровой*

Трауб, Маша.

Т65 Кольцо из фольги / Маша Трауб. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-197232-5

Воспоминания — счастье или проклятие? Что хранит детская память? Отчего так часто участники одних и тех же событий вспоминают о них совсем по-разному? Эта история — о прошлом и его отражении в памяти. О событиях и людях, приметах времени и предметах быта. Здесь то, что помню я, и то, что рассказала мне мама. Это история о том, что для меня было абсолютным счастьем, а для нее — унижением и изгнанием. Ее побег и моя попытка вернуться туда, откуда бежала она. Иногда, чтобы не сойти с ума, человеку нужно поверить в то, чего не было, и забыть то, что было. Это и называется — память.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Трауб М., 2024
© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197232-5

У каждого своя память. Если сравнить воспоминания двух людей об одном и том же событии, получите две разные версии, зачастую противоречащие друг другу. И даже если эти люди находились в одном месте в одну и ту же минуту, все равно будут разные истории. Память — защитный механизм, вычищающий из подкорки все то, что может убить, но щедро оставляющий то, что заставляет страдать. Тут на помощь приходит еще один защитный механизм — наш собственный взгляд, подчас фантазии, которые пусть медленно, но заменяют реальные воспоминания. И уже выдуманные детали обретают статус случившихся в действительности.

«Как ты не помнишь?» — может кричать один человек другому. Дочь — матери. Сын — отцу. Родственники. Любовники. Супруги. «Да не было такого!» — отвечает второй, и говорит искренне. Его память уже постаралась, зачистив тот самый «больной» фрагмент.

«Ты назвала меня безмозглой дурой!» — «Никогда так тебя не называла! Это ты меня поливала матюгами и проклятиями!» — «Да что ты придумываешь?» Все заканчивается сканда-

Маша Трауб

лом. Кто что сказал, кто как ответил. Что было, а чего не было. И ничего нельзя доказать. Каждый живет в своей памяти.

Почему так происходит? Мне кажется, это позволяет людям не сойти с ума, не скатиться в пучину безумия. Обычный механизм выживания.

«Кольцо из фольги» — абсолютно правдивая история, в которой я попыталась сравнить свои воспоминания с теми, что остались в памяти моей матери. Место одно — северокавказское село. И ее, и мое детство прошли именно там. Мама уехала из села в шестнадцать лет. Я покинула его в двенадцать. Мама никогда в жизни не хотела туда вернуться. Ни за что на свете, ни при каких обстоятельствах. Наоборот, вычищала из своей памяти годы, проведенные там. Вытравляла акцент, характерные, свойственные только той местности интонации, вбитые в голову правила поведения, жесты. Я же всю свою жизнь мечтала вернуться в то село. Бережно хранила воспоминания о том, что ела в детстве, какие пела песни, куда вели дороги. Как вскакивала со стула, если в доме появлялся мужчина, и убегала в свою комнату, считавшуюся женской половиной. Как смотрела в пол, когда меня представляли гостям, зная, что нельзя поднять глаза. Как подставляла щеки, чтобы меня расцеловали, ущипнули в знак нежности. Как уже в собственной семье подавала блюда и уходила на кухню, а гости не понимали, почему я не сажусь за общий стол. Как ходила по рынкам, вспоминая запахи и вкусы сельского базара, и все было не таким, подделкой. Даже еда имела другие запах и вкус.

Кольцо из фольги

Вспоминать было тяжело. Мамины фантазии давно заслонили реальность. Она сделала все возможное для того, чтобы забыть язык, на котором говорила с раннего детства, на котором читала и писала. Забыла рецепты блюд, на которых выросла. Забыла традиции, праздники. Удивительно, но у нее даже акцента никогда не было. Ни малейшего. Я же бережно хранила в памяти детали быта, ощущения на пальцах, когда прикасаешься к горячему пирогу, теплой печке, кусту крапивы, ягодам кизила или тутовника. Пирог, только из печи, смазанный сливочным маслом, не обжигает, а заманивает. Отдергиваешь руку, но тут же тянешь снова. Хватаешь кусок, перекладываешь из одной руки в другую. Понимаешь, что надо подождать всего несколько минут или хотя бы подуть. Но нет. Откусываешь, обжигая язык и нёбо картошкой с сыром, самой вкусной начинкой на свете. Сыр чуть солоноватый, домашний. Только из ведра, из рассола. А картошку сначала нужно растолочь до состояния пюре, добавить молока и сливочного масла не пожалеть. И чтобы ни одного комочка не осталось. Нет, через сито пюре не пропускали, все вручную, давилкой...

Кизиловое варенье, которое все варили во дворе. Помешать специальной деревянной ложкой, снять пенку, попробовать, обжечься. Наслаждение, невероятный вкус. Я пыталась сварить на кухонной плите, ничего не получилось. Точнее, получилось, но совсем другое. Городское, что ли, не деревенское. Я разрешала своим детям слизывать с ложки пенку или доедать из миски остатки крема — мои вкусы детства. Они

Маша Трауб

не понимали, почему я счастлива. Как не понимали многих блюд, на которых я выросла, — кукурузные каши, лепешки, соусы к мясу и рыбе, фаршированные перцы, компоты, пироги с разными начинками.

Я готовила, предлагала хотя бы попробовать. Дети ели, но им было не так вкусно, как мне в детстве. Однажды отрезала кусок хлеба, намазала маслом и посыпала сверху сахаром. Дети недоуменно откусили по маленькому куску, и все.

Про правильное питание я знаю много, как и про всевозможные диеты. Но никогда не откажусь от по-настоящему вкусного блюда и, если уж очень захочется, съем ночью мороженое. Потому что я помню тетю Фати. Она всегда была худой, даже изможденной. И не сказать, что четверых детей родила. Тонкие ноги, руки-палочки, живот аж к позвоночнику прилип. Она доедала то, что осталось после обеда или ужина, приготовленных для мужа и детей. Да еще и делила остатки с кошками и собакой. Тетя Фати для себя никогда не готовила. Говорила: «Не умею для себя, как можно?» Не садилась за стол, пока не поедят родные.

После смерти мужа у тети Фати вдруг проснулся аппетит, причем зверский. Есть она хотела всегда, в любое время суток, и никак не могла насытиться. Она отбирала сладости у внуков, тайком откладывала себе лучший кусок мяса, пря-

Кольцо из фольги

тала еду в своей комнате. За короткий срок тетя Фати раздалась в теле и перестала выходить на улицу — ей нечего было надеть, все платья стали малы. Она вдруг превратилась в капризного ребенка, которому запрещают есть сладости, но он находит способ их заполучить. Если близкие прятали от нее конфеты, тетя Фати начинала плакать и причитать, что ее никто не любит, держат на воде и хлебе. Забросив хозяйство и домашние дела, она думала лишь о том, где достать шоколад, халву, конфеты, печенье. Наша местная знахарка Варжетхан считала, что нужно проверить гормоны, сдать анализы, отвезти тетю Фати в городскую больницу для полного обследования. Но та категорически отказывалась, а родные не могли ее переубедить. Так что тетя Фати продолжала лакомиться сладостями, есть двойные порции на обед и ужин и чувствовала себя счастливой. Она перестала вставать с кровати, и близкие приносили ей еду в комнату. Умерла она тихо, в собственной постели, засыпанной крошками печенья, на белье, заляпанном вареньем.

Моя бабушка считала, что тетя Фати умерла от горя. Похоронив мужа, она не знала, как жить дальше. Ведь для него она готовила, вела хозяйство, рожала детей, подавала, уносила. Была его верной служанкой, старавшейся во всем угодить. А потеряв хозяина, не сумела жить для детей и внуков. Для себя, наконец. Вот и заедала свое горе. Варжетхан не спорила, соглашалась, но считала, что тете Фати можно было помочь, просто вовремя прописав нужные таблетки...

Маша Трауб

Печке нужно дать время. Тепло сначала медленно растекается по пальцам, потом по ладоням и поднимается все выше. И лишь потом нужно к ней прижаться спиной, икрами. Тогда тепло разливается по всему телу. Сверху накрыться пуховым одеялом и уснуть в то же мгновение. Даже взрослый человек в чем-то остается младенцем. Младенца, как учили молодых матерей в нашем селе, не нужно носить на руках, трясти, укачивая. Его надо согреть. Завернуть в пеленки, обязательно батистовые, выстиранные и отглаженные с двух сторон. Спеленать покрепче — сначала одну ручку прижать к телу, завернуть пеленочку под спинку, потом вторую. И не забыть про чепчик, который, конечно же, лучше связать самой. Сверху запеленать в плед, связанный из шерстяных ниток, или в маленькое одеяло, желательнее тоже побывавшее в многочисленных стирках и потому мягкое. Укрыть еще одним. Но не синтетическим, а настоящим, пуховым. Малыш уснет, почувствовав себя в безопасности. Потом верхнее одеяло можно снять, иначе ему станет жарко. Можно открыть форточку. И тогда станет спать еще слаще. Когда из-под одеяла торчит один сопящий носик.

Что должно быть в детской, помимо всего прочего? Одеяло на столе, приспособленное под гладку, и уют. На ночь ни в коем случае нельзя одевать ребенка в холодные ползунки и распашонку. Прогладить с двух сторон, и только после этого — на ребенка, пока одежда еще теплая, только из-под уюта.

Кольцо из фольги

Я была уже взрослой, но бабушка свято блюла этот ритуал, облачая меня на ночь в теплую ночную рубашку. Даже летом. Мой взрослый сын до сих пор спит с открытой форточкой даже в сильный мороз. Из-под одеяла торчит нос. В комнате разве что иней на стенах не лежит. А дочери я иногда на автомате грею ночную рубашку, чтобы было «только из-под утюга».

Кусты крапивы бывают разные. Если крапива молодая, ее листья не колются. Их можно смело трогать. Стебель тоже еще не колет, лишь слегка. А вот старая крапива совсем болючая, до зудящих здоровенных волдырей. Даже сквозь полотенце, намотанное на руку, колет. Молодая, майская, крапива шла на суп, а старая, уже осенняя, — на настойки, отвары. Стебли — для сока — срывали обязательно до цветения. Даже корни использовались. Крапивой лечили, кажется, все болезни — от ожогов до сбившегося менструального цикла. Мочегонное, кровоостанавливающее, желчегонное... Крапиву я рвала все свое детство. И крапивой же получала по попе за любой проступок. Детей в нашем селе не шлепали, не били ремнем. Для наказания использовалась крапива. Считалось, что даже полезно — получить крапивой.

Тетя Белла была в селе главным специалистом по крапиве — она на глаз умела определить, когда срывать молодую, а когда старую, когда стебли, а когда листья. Она сидела во дворе и, задрвав халат, хлестала себя по ногам крапивным

Маша Трауб

букетом. Говорила, что ей после этого «легче ходится». А потом просила кого-нибудь из девочек похлестать ее крапивой по спине — от радикулита.

Варжетхан признавала свойства крапивы как разогревающего средства, улучшающего приток крови. Но категорически возражала против использования крапивы для лечения мужской немощи. Тетя Белла же всем молодым женщинам, которые ходили с потухшим взглядом и, стгорая от стыда, признавались, что молодой муж очень хочет, но не может, советовала похлестать мужа крапивой по ногам и ягодицам. Варжетхан, к которой приходили женщины с вопросом, нет ли другого способа, выдавала настой на семенах или корнях крапивы, но хлестать очень не советовала. Женщины радостно соглашались на настой.

Кизил и тутовник. Это мое детство. Ягоды кизила — яркие, сверкающие, будто покрытые лаком. Кизиловое варенье готовилось в каждом дворе. Неповторимый вкус и запах, который я узнаю из миллиона других. Тутовник же всегда под рукой. Им невозможно наестся. Даже донести до дома не получится — ягоды слишком нежные. Лучше есть сразу, с дерева, сидя прямо на нем. Плоды темно-фиолетовые, почти черные, и белые, но не совсем, будто в белый цвет добавили немного бежевой краски, совсем чуть-чуть. В селе варили варенье из тутовника, но оно не передавало весь вкус ягоды.

Я лелеяла эти ощущения и воспоминания. Изо дня в день прокручивала в голове, чтобы помнить. Только бы не забыть. Повторить их я уже не смогла никогда, как ни пыталась.

Кольцо из фольги

Зачем нужны фотографии, напечатанные на бумаге? Старые семейные фотоальбомы? Вещи, которые принадлежали нашим бабушкам, дедушкам? Эти вещи — наша память. Без них все стремительно испаряется. Что сделать, чтобы забыть о некогда дорогом сердцу человеке — любовнике, бывшем муже? Просто выбросить все вещи, которые хоть как-то о нем напоминают. Смешной медведь, подаренный на Восьмое марта? На помойку. Даже если вы его засунете в дальний ящик с глаз долой, все равно будете знать, что он там. Сидит и ждет, когда вы на него наткнетесь случайно при уборке или выгасите специально. Стоит только достать — и водоворот воспоминаний не оставит шанса вынырнуть. Можно накрутить себя так, что те мгновения — дни, недели или месяцы — покажутся самыми счастливыми в жизни. И этот медведь станет символом того счастья. А бывает наоборот — плюшевая игрушка становится символом обиды, разочарования, душевной боли. Зачем тогда хранить то, что напомнит о слезах, криках, предательстве? Отрицательные эмоции тоже нуждаются в подпитке, некой вещи, материальной, которую можно потрогать. Тактильные ощущения — самый сильный провокатор, заставляющий вспомнить.

Кольцо, скрученное наспех из фольги или проволоки от шампанского... Какое же счастье тогда обрушилось на голову! То самое, настоящее, которое случается раз или два в жизни. Когда не видишь и не слышишь ничего, когда мозгом управляет

Маша Трауб

не разум, а гормон окситоцин. Когда готов на любое безумство. Когда в сутках вдруг оказывается не двадцать четыре часа, а все сорок восемь, и ты успеваешь жить в два, три раза быстрее, поскольку не ходишь, а летаешь. Пусть недолго — этот гормон тоже имеет срок годности, — но паришь, не видя препятствий, готовый на все. Любимый позовет прыгнуть с обрыва вслед за ним, и ты прыгнешь не задумываясь. Влюбленные женщины бессмысленны и беспощадны. Они не видят перед собой препятствий. Да вообще ничего и никого не видят — лишь своего возлюбленного. Они строят грандиозные планы, сжигают мосты, бросают бомбу в свою прошлую жизнь. И все последующие попытки — лишь желание еще раз ощутить то самое счастье, тот драйв и азарт. То ощущение, когда ты способен на все. Заставить землю вращаться в другую сторону? Легко.

Впрочем, есть люди, которые способны испытывать это счастье с каждым новым возлюбленным или возлюбленной. Наверное, именно их и называют счастливыми, имея в виду — счастливые идиоты. Влюбленных по самую макушку людей обыватели сторонятся, те недалеко ушли от сумасшедших — в поступках, поведении, принятии решений. Они живут не здесь, не сейчас, а где-то в другом мире. А то, что творится в реальности — болезни родственников, потеря работы, другие насущные проблемы, — отскакивает от влюбленного человека, как мяч от стены. Все становится неважным... Правильно говорят, что во вселенских катастрофах выживут или сумасшедшие, или влюбленные. Они находятся в параллельной реальности. Потом, конечно, наступает прозрение, отрезвле-

Кольцо из фольги

ние, оказывающееся мучительнее, чем самое сильное похмелье. И человек задает себе вопрос — что это было? Пошлость ведь, причем кристаллизованная. Бред какой-то. Как вообще можно было связаться с таким идиотом или идиоткой? Тут гендерная разница не важна. А тогда... Все эти кольца, ракушки, календарики, амулеты и браслеты, шоколадки, покрывшиеся от времени белым налетом... У каждого своя память, свои триггеры воспоминаний, бережно хранимые. Досташь, и в голове мечется только одна мысль — а вдруг такое случится еще раз? Чтобы до сумасшествия! До потери сознания!

Так бывает не только с любовью — со всем, особенно с предметами быта. Эмалированный ковш, увиденный в сельском магазинчике, куда забрел не пойми за чем. Точно такой же, как был в детстве. Или чашка с вишенками. Бабушка в такую наливала компот из яблок. Столовый сервиз с золотыми лепестками и золотой каемкой по ободку. Мама на него долго копила, доставала немислимыми усилиями, а ты, маленький, случайно разбил чашку. И не понимаешь, почему мама плачет так горько, как никогда не плакала. Ты ждешь самого сурового наказания, но мама продолжает оплакивать чашку, будто кто-то умер. И тебе, ребенку, спустя многие годы будет казаться, что не чашка разбилась, а ты для мамы перестал существовать. Это ты для нее умер.

Или сифон, привезенный отцом из командировки, — что-то невероятное, настоящее чудо. Мама смеялась, папа хохотал, показывая, как заправлять в сифон баллон. Самый счастливый семейный вечер. Домашний лимонад из малинового

Маша Трауб

варенья даже пить было страшно. А потом, спустя недолгое время, мама увидела точно такой же сифон, оказавшись в гостях у коллеги. Точно такого же цвета. И что-то вдруг нехорошее шевельнулось внутри, засосало под ложечкой. Долго не отпускало, но гнала от себя дурные мысли. Мало ли? Ну и что, что такого же цвета? Ну и что, что коробочка с баллонами точно такая же? А потом мама сначала бросила этот сифон в стену, пыталась разломать. Выбросила не в мусорное ведро, а вынесла на помойку. При этом не плакала, не кричала. Все делала молча, отчего становилось еще страшнее. Папа пропал. Мама сказала, что он опять уехал в срочную командировку. Но обманывала — чемодан стоял в шкафу, и костюм, который он всегда брал в командировки, висел на вешалке. Папа приходил тихий, изменившийся, совсем другой. Мама закрывала дверь на кухню. Она тоже изменилась — стала жестче, перестала улыбаться. Бабушка привезла малиновое варенье, сварила специально для сифона. Только тогда мама расплакалась. Больно и безутешно. Бабушка прижала банку с вареньем к груди и причитала:

— Горе-то какое, горе...

Я вспоминаю орешницу, тяжеленную, неподъемную. Надо было приготовить десерт для урока труда в школе. Тогда девочки готовили, а мальчики выжигали рисунки на дереве и сколачивали табуретки. Орешки со стуженкой, обязательно

Кольцо из фольги

вареной, — один из главных вкусов детства. Еще, конечно, шоколадная колбаса из печенья, какао, иногда орехов, чтобы при разрезе были видны белые пятна, как в сервелате. Но колбасу все делали, а орешки считались настоящим лакомством. Налить тесто в формы, закрыть сверху. Сварить банку обычной сгущенки так, чтобы та не взорвалась, не перестояла. Положить вареную сгущенку в выпеченную скорлупку орешка, закрыть сверху еще одной. Тесто прилипает к форме, скорлупки трескаются, получаются неровными. Банка сгущенки все же взорвалась, и теперь еще полдня отмывать кухню. Нещесть в школу то, что удалось спасти. Пять жалких орешков. А у Кристинки идеальная шоколадная колбаса. Учительница восторгается. Твои орешки даже не пробует.

Еще я реагирую на графины, старые чемоданы, жестяные красные в горошек банки для специй, банки из-под лимонных долек — такие синенькие, с нарисованным на крышке толстым апельсином — и банки из-под черной икры, тоже синие, с рыбой на крышке. Бабушка трепетно их хранила и использовала в качестве шкатулок. Банки из-под чая — это целая история. В самой большой банке из-под краснодарского она хранила бумажные деньги. А в банке из-под индийского — мелочь. В банке с розами на крышке — незамысловатые украшения.

А еще чайники. Сгоревшие бабушка использовала в качестве держателя для книг на полке. Насыпала в них песок для

Маша Трауб

веса и ставила, чтобы книги не упали. Сейчас бы это называли оригинальным дизайнерским решением, а тогда все думали, что бабушка совсем творческая личность, раз так сошла с ума.

Деревянные счеты, конечно же. Мое поколение, выросшее в деревнях и селах, училось складывать и отнимать на счетах, настоящих, бухгалтерских. С деревянными колечками. На них считали продавцы в сельпо, их же держали под рукой бухгалтеры. В первый класс в столице дети должны были принести на урок математики счетные палочки, а в селе — маленькие счеты. Они и сейчас продаются — красивые, с разноцветными колечками. Но как я ни пыталась научить сына, а позже дочь считать на счетах, они не увлеклись. Даже в столбик они считали не так, как мы, а по-другому, не ставя точки над цифрами, над которыми «занимали», не выписывая нули. Тоже интересно: мы в детстве говорили «нуль», а не «ноль».

— Почему ты ставишь запятую сверху вместо твердого знака? — как-то спросила дочь. Я и не замечала, что использую апостроф. Так научила меня первая учительница русского языка в осетинской школе, Лариса Ивановна. Жаль, что я тогда так мало прислушивалась к разговорам взрослых. Как Лариса Ивановна оказалась в селе? Почему жила без мужа и детей? Не знаю. Но точно помню, что она переходила на уроках на французский и ставила апострофы вместо твердого знака. Иногда она ставила и другие знаки над буквами, которые много позже сложились в моей голове в аксанти-эгию, аксанти-граф. Это как перевернутый вопросительный знак в конце предло-

Кольцо из фольги

жения в испанском языке. Или как точки над буквами иврита. Ни с чем другим не спутаешь. Получается, что Лариса Ивановна знала французский не хуже русского? Кто знал ответ на этот вопрос, давно унес его в могилу.

У меня не осталось вещей, за которые память могла бы зацепиться. Мама об этом позаботилась сразу же, уничтожив все, что хоть как-то напоминало о жизни в селе. Ни одной фотографии не сохранилось, ни единой салфетки — ничегошеньки. Жестоко, да. Но каждый вечер перед сном, погружаясь в воспоминания, я проходила по деревенской дороге, заходила в сельпо, в привокзальный магазин, делала тысячу привычных дел, которые совершала в реальности. Чтобы помнить. Но воспоминания улетучивались, их заменяли новые события. Все реже перед сном мысли уносили меня в село, как я ни пыталась вспомнить, не забывать. А потом и вовсе ушли и никогда не возвращались. Это нормально — жизнь идет своим чередом...

После рождения детей все мысли — только о них. Каждую минуту, каждую секунду. Сначала — спит или опять не спит? Раскрылся? Не душно ли в комнате? Плохо поужинал. Значит, проснется ночью. Надо бы приготовить бутылочку с кашкой, чтобы не бегать в ночи. Потом — температура, которую не собьешь. Зубы, колики, опять вирус из сада принес. Вся семья вповалку. Даже бабушку заразили. Еле выжила после детского

Маша Трауб

вируса непонятного происхождения. Внук давно скачет, а бабушка едва ползает. На тренировке на него наскочил мальчик. Тому — хоть бы хны, а мы — с переломом пальца. Да, опять «мы», как в младенчестве, хотя уже пора говорить «мой». Месяц в гипсе. На ровном месте. Только оправились — скатился с горки на детской площадке, врезался в другого ребенка. Тому ничего, у нас — вывих. А еще раньше сам упал с качелей. Головой приземлился. Хорошо хоть в землю. Был бы асфальт — считай, все. Столько анализов, столько обследований. И сотрясения вроде бы нет, а его все тошнит, голова кружится. Зубки молочные, прикусил нижнюю десну. Весь рот в крови. Смотреть страшно, сердце останавливается. Тетка какая-то советует пописать и мочу приложить к десне. Я слушаю, киваю. И абсолютно всерьез уточняю — чью мочу? Мою или ребенка? Или отцовскую? Все, сошла с ума окончательно... Опять сопли и кашель. Уже вторую неделю. Дохает, как говорили в моем детстве. Ношусь по рынку в поисках барсучьего жира. Тоже память прошлого. А еще медовая лепешка в качестве компресса на грудь. Если ребенок болеет, разум отказывает. Начинаешь верить в мочу, жир... Да во что угодно поверишь, лишь бы выздоровел.

Я прохожу диспансеризацию. Врач собирает семейный анамнез. А его нет. Заболевания сердечно-сосудистой системы, инфаркты, инсульты? Бабушка умерла от инфаркта вроде бы. Но мама убеждена, что нет. Она думает, что бабушка умерла от жизни, невыносимых тягот, бесконечных хлопот, работы, отнимавшей все силы, от ответственности, которую боль-